

Арон Шнеер
Иерусалим, Израиль

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ С НЕМЕЦКИМИ ВЛАСТЯМИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР В 1941—1944 гг.

Коллаборационизм в годы Второй мировой войны был распространенным явлением практически в каждой оккупированной стране. Вопрос о причинах коллаборации — индивидуальной и коллективной — с любым оккупационным режимом является одним из самых сложных в исторической науке вообще, а в истории бывшего СССР особенно.

В СССР исследования на тему сотрудничества советских граждан с нацистским режимом были запрещены, так как они могли разрушить миф о многонациональном единстве советских народов в годы Второй мировой войны и заставить задуматься о причинах этого сотрудничества.

Исследователи, занимающиеся проблемами сопротивления оккупации, спрогнозировали, что после нескольких лет оккупации 10 % населения могут стать предателями (из них около 3 % — активными и 7 % — симпатизирующими противнику). Из 90 % патриотов 20 % войдут в движение сопротивления и будут вести активную борьбу с оккупантами. Около 70 % займут выжидательную позицию!

Справедливо будет сказать, что очень большое число людей вовсе не страдало от оккупантов и коллаборационистов, а — что естественно — приспособлялось к навязанным условиям жизни и объективно помогало укреплению нацистского режима.

Впрочем, этот вывод, как нам представляется, абсолютно справедлив и для послевоенных лет советской власти в Прибалтике. Таким образом, проблемы коллаборации можно рассматривать и в более широком смысле: в связи сотрудничеством с советской властью на территориях, ставших советскими в 1939—1940 гг. Однако ограничимся заявленной темой.

Сотрудничество граждан СССР с нацистским оккупационным режимом не имеет аналогов в истории Второй мировой войны.

Что привело людей к поддержке нацистского режима? Что заставило их надеть повязку полицейского, мундир вермахта или СС и сражаться на стороне Германии?

Для ответа на этот вопрос необходимо изучить комплекс различных социально-политических причин, исторических реалий, военных обстоятельств места и времени, а также индивидуально-психологических черт, культурных и моральных ценностей, стечения различных жизненных обстоятельств как отдельных коллаборантов, так и целых групп населения, а то и народов.

Порой коллаборационист и патриот — понятия совпадающие, если речь идет о двойной оккупации. Например, организация украинских националистов (ОУН) колебалась, как маятник, от коллаборации к сопротивлению, однако с лозунгом:

«Украина без жидов, поляков и москалей». Патриотизм присутствовал и в прибалтийском коллаборационизме, однако в нем отсутствовало сопротивление нацистской оккупации, разве что действия группы Курелиса в Латвии. Все зависит от исторических коллизий и приоритетов. Но моральная оценка коллаборации зависит от избранных ею форм, средств и методов. Сразу хочу заметить: не все коллаборанты были убийцами.

Когда только в одном лагере для военнопленных в Днепропетровске в марте 1943 г. 780 советских боевых офицеров добровольно вступают в РОА (Русскую освободительную армию), и это после Сталинграда, — такой факт говорит о многом². И причины этого следует искать прежде всего в советской системе, в ее внутренней политике, характерными чертами которой с первых лет существования были политико-социальные и национальные репрессии, насильно внедряемая моноидеология, коллективизация, секуляризация, сопровождавшаяся разгромом и уничтожением религиозных структур всех направлений

Именно социально-политические причины, на наш взгляд, были важнейшими из всех причин, приведших к сотрудничеству части местных жителей с нацистским режимом. Партийные документы тех лет наряду с патриотическими заявлениями фиксируют и иную реакцию местного населения в начале войны. Смелость высказываний и нетерпение в ожидании прихода немцев проявились уже в первые дни войны даже в глубоком тылу. Это подтверждает, например, справка Николаевского обкома партии от 15 июля 1941 г. «О политико-моральном состоянии населения». Так, в колхозе «Авангард» колхозница Тютюник заявила: «Когда придут немцы, мы все заберем у тех, кто нас раскулачивал, особенно с ними рассчитаются семьи репрессированных». В колхозе им. Ленина гражданка Терехова заявила: «Мундир мужа дождался того времени, когда он его наденет, а я сама буду ему помогать рубить головы большевикам». «Дети отдельных колхозников колхоза “Прогресс” говорят: “Скоро не будет большевиков, наш папа вернется”»³.

Советский офицер А. Алымов точно подмечает настроения ожидания различных категорий жителей перед приходом немцев: «В Ставрополе не встречали немцев с цветами и хлебом-солью, как это было несколько дней спустя в Пятигорске и Кисловодске, но в час их вступления, несомненно, весь город вздохнул полной грудью. Убежденные враги большевизма видели в победе немцев разгром своего исконного врага; бывшие собственники — надежду на хотя бы частичное возвращение их имущества, репрессированные и жившие по фиктивным документам — освобождение от вечного страха перед НКВД, голодные — возможность насытиться...»⁴

О настроениях бойцов 48-й пехотной дивизии, которая дислоцировалась в Латвии, вспоминает доброволец этой дивизии С. Абрамсон: «Спустя 24 часа после зачисления в батальон я знал, что людей, готовых сражаться с немцами и умереть за советскую власть, можно перечесть по пальцам. Часть мобилизованных перед самой войной из Калининской и Псковской областей при первой возможности дезертировали, бросая оружие, иногда захватывая его с собой, и спешили делить колхозы, а воевать с немцами у них желания не было»⁵.

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что вооруженное противостояние советской власти особенно характерно для всех территорий, ставших советскими в 1939—1940 гг., а не только исключительно для стран Прибалтики.

С началом войны резко усилились национально-освободительные, антисоветские и антирусские тенденции, особенно там, где население испытывало ощущение

утраты независимости и оскорбленное чувство национального достоинства. Большинство украинцев и поляков из Западной Украины, ставшей советской в 1939 г., не желали служить в Красной армии вследствие традиционных антирусских, а теперь и антисоветских настроений, усилившихся за полтора года советской власти. Призывники скрывались от мобилизации, а будучи мобилизованными, старались при первой же возможности дезертировать или перебежали к немцам. В 72-й и 99-й стрелковых дивизиях были случаи отказа стрелять по противнику. В 99-й дивизии 80 человек «отказников» из Львовской области были расстреляны перед строем⁶.

Польское население западноукраинских и белорусских областей, прожив почти два года под советской властью, видело в ней власть оккупантов, а в Красной армии — завоевателей, поделивших Польшу вместе с немцами, однако предпочитало немецкую власть.

В одном из писем с фронта красноармеец пишет: «Я нахожусь на фронте: Луцкое направление (Украина. — *А. III*). Население, особенно поляки, во многом помогают немцам»⁷.

В Западной Украине и Белоруссии также действовали вооруженные группы польского подполья. Красноармеец И. С. Асташкин вспоминает: «При отходе через городок Гайновка Брестской области мы попали под ружейный обстрел. ...Последнее “прощай” Красной армии делали местные поляки, которые таким образом рассчитывались за все прелести советской власти»⁸. То же самое происходило в Ленинском, Ганцевичском, Лунинецком и других районах⁹.

Национальный фактор играл чрезвычайную роль и у коренных народов прибалтийских стран, всего лишь год назад утративших независимость. Причем даже многие из тех, кто симпатизировал советской власти, через короткое время оказались разочарованными в утвердившейся реальности.

Огромное влияние на резкий всплеск неприятия советского строя и как следствие — коллаборационизм оказала депортация, произведенная за неделю до начала войны. Могли ли поддерживать советскую власть родственники десятков тысяч арестованных?

Могли ли, точнее, хотели ли солдаты созданных в Прибалтике территориальных корпусов Красной армии сражаться против нацистов, если к 22 июня 1941 г. в этих корпусах были арестованы 933 офицера?¹⁰

Эти аресты не могли не вызвать негативной реакции большинства военнослужащих территориальных корпусов. Командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов сообщил: «На левый фланг были поставлены литовские части... которые воевать не хотели. После первого нажима на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались»¹¹. Необходимо отметить, что речь здесь идет о командирах не литовцах, а о новичках, назначенных вместо арестованных. Дезертировали и бойцы латвийского и эстонского корпусов. Меньшая их часть ушли с Красной армией. Многие солдаты этих корпусов перешли к активной поддержке наступающего вермахта.

Части Красной армии на территории Прибалтики подвергались нападениям и обстрелам со стороны многочисленных противников советской власти. В их число входили дезертировавшие бойцы, сотни, а то и тысячи лиц, скрывавшихся от арестов, в основном бывших членов военизированных организаций айзсаргов¹², «Шаулю саюнга», «Омакайтсе».

Один из красноармейцев вспоминает: «При выезде нашего батальона из Виндавы (Вентспилса. — *А. III*) стреляли из всех окон города и поселка. 27 июня

наш батальон покидал Ригу, в узких улочках старого города стреляли из окон, с крыш, чердаков — почти никто из моих товарищей не вышел»¹³.

«Со всех сторон стреляли из винтовок и пулеметов, жертвы “пятой колонны” лежали в большом количестве»¹⁴.

Во всех прибалтийских республиках, а также на территории Западной Украины «пятая колонна» составила значительную часть коллаборантов, участвовавших в преступлениях нацистского режима.

Подпольные группы и организации противников советской власти, и это закономерно, возникли после оккупации и аннексии стран Прибалтики Советским Союзом. Многие из них сотрудничали с немецкой разведкой и получали инструкции из Германии. 21 мая 1941 г. в сообщении Абвер-2 говорилось: «Восстания в странах Прибалтики подготовлены... Подпольное повстанческое движение в своем развитии прогрессирует настолько, что доставляет известные трудности удержать его участников от преждевременных акций. Им направлено распоряжение начать действия только тогда, когда немецкие войска, продвигаясь вперед, приблизятся к соответствующей местности, с тем чтобы русские войска не могли обезвредить участников восстания»¹⁵.

В спецсообщении НКГБ Литовской ССР № 1/1173 от 10 июня 1941 г. говорится, что из переписки, отобранной у двух задержанных 3 июня при попытке нелегально перейти госграницу из Германии на территорию Литовской ССР, установлено, что члены повстанческой организации в период военных действий должны выполнять следующие задания: «...арестовывать всех комиссаров и активных коммунистов; разоружать и арестовывать красную милицию и агентов ГПУ, в случае сопротивления ликвидировать; <...> заставить евреев покинуть страну <...>».¹⁶

Немецкие солдаты, особенно в первые месяцы войны, были поражены доброжелательным отношением к себе со стороны местного населения. Цветы, хлеб и соль, а порой даже оркестр¹⁷. Так было почти по всей Украине и Прибалтике, реже — в Белоруссии и России.

Почти для всех оккупированных территорий характерна высокая степень добровольного участия местного населения в антиеврейских акциях. Местные жители принимали участие в погромах и издевательствах, создании гетто, составлении списков узников гетто, списков имущества, его распределении, отправке на склады, подготовке могил, перевозке евреев к месту убийства, захоронении убитых, участвовали в их ограблении. Из местных жителей создавалась вспомогательная полиция, привлекавшаяся к сбору и охране евреев, а главное — к расстрелам. Таким образом, практически повсюду уничтожение евреев осуществлялось при прямом и косвенном участии местного населения. Без этой помощи нацисты не смогли бы произвести столь быстрое уничтожение евреев. Во многих местах оно происходило вообще без присутствия немцев.

В СССР доступ к документации оккупационного периода был сознательно закрыт или ограничен. Одной из причин этого, вероятно, являлось то, что при изучении этих документов вставала реальная картина вовсе не братства и взаимопомощи народов, так прекраснодушно описанных в советской литературе и исторических исследованиях, а ненависть и преступления, творимые не столько немецкими оккупантами, сколько их пособниками из местного населения. И так было повсеместно: в Прибалтике, Белоруссии, Украине, Молдавии, России.

Подход некоторых историков, в первую очередь из стран Балтии и Украины, к проблеме соучастия своих граждан в массовых убийствах, как ни странно,

полностью соответствует тому, как советская историческая наука, выполняя государственный заказ, пыталась свести все сотрудничество советских граждан с нацистами лишь к деятельности одного генерала Власова, что является безудержной ложью. Единственной целью подобного подхода было желание скрыть реальные масштабы военного, полицейско-карательного, административного, хозяйственного, культурно-идеологического, церковного сотрудничества советских граждан независимо от их национальности (кроме евреев) с немецкими властями.

Однако причины коллаборации кроются не только во внутренней антинародной политике советского режима, но и в психологии и нравственности, особенно если речь идет об участниках преступлений против личности.

Каковы могли быть личные мотивы сотрудничества с нацистами?

Всякий человек в своих поступках руководствуется определенными убеждениями: нравственными, политическими или религиозными. Исходя из них складывалось и отношение к происходящим событиям: экстремистское, одобрительное, безразличное. Многие шли от одобрения и симпатии к осуществляемым немецкими властями мероприятиям к готовности участвовать в них.

Откровенно рассказал о причинах своего сотрудничества с нацистами один из участников уничтожения евреев в Даугавпилсе И. Лисовский:

«По политическому своему убеждению я был сторонником вводимых немцами порядков, считал их освободителями от еврейско-большевистского ига. <...> Я признаюсь, что евреев я ненавидел, хотя мне лично никто из них ничего плохого не сделал. <...>

...Руководило мной желание легкой наживы... обеспеченной жизни с морем вина и женщин, несмотря на то, какими бы путями оно мне ни доставалось.

...Мое желание не быть последним во всяких делах. Я люблю быть хотя бы небольшим начальником, люблю выслужиться и быть на голову выше тех людей, которые меня окружают»¹⁸.

Многими руководило воинствующее неприятие советской власти и желание мстить. Особенно это было характерно для территорий, ставших советскими в 1939—1940 гг.

Другие в условиях немецкой оккупации увидели возможность свести личные сче­ты со своими обидчиками — как с конкретными, так и с самой советской властью. Мечь, зависть, неприязнь — все слилось воедино и выплеснулось с определенным желанием навредить, вплоть до уничтожения.

Ощущение своей национальной исключительности и религиозная неприязнь к иноверцам и инородцам трансформировались в ненависть к ним. Причем не только к евреям. Так, К. Исаев, копавший могилы для евреев в Даугавпилсе, подчеркивает, что полицейский Савицкий ходил вокруг и говорил: «Копайте быстрее, скоро и вам, русским, здесь будет место»¹⁹.

Группа полицейских, расстрелявшая 750 евреев в окрестностях Даугавпилса в конце августа 1941 г., состояла из местных жителей числом 25—30 человек. Важно отметить, что расстреливали те же полицейские, что привели евреев, т. е. охранные и расстрельные функции были совмещены. И хотя один из свидетелей говорит, что среди них были только латыши, фамилии и имена некоторых из них (Филиппов Павел) позволяют предположить, что в числе убийц были не только латыши, но и поляки и русские²⁰. По словам И. Лисовского, «...каждый считал, что уничтожение евреев — правильное дело»²¹.

Немецкая оккупация и проводимая нацистами политика открыли для нееврейского населения новые возможности реализации материальных и политических амбиций. Многими руководила элементарная алчность: участникам преступлений обещали деньги в виде зарплат и возможность получить вещи расстрелянных. Так, по словам участника расстрела К. Бейнаровича, «...все кинулись к месту раздевания расстрелянных и хватали кто что успел, делая неразбериху и давку. Мне в этот раз ничего не досталось, а сыну моему Бейнаровичу Василию удалось достать пару сапог»²².

И. Лисовский признается: «В снятой одежде я обнаружил и оставил лично для себя 10 часов, 1 цепочку, 2 кольца, 1 портсигар. ...Полицейским Савицким мне было привезено в виде вознаграждения 6 дамских пальто, 3 платья, 3 пары туфель, 1 пара сапог»²³.

Кого-то вел к коллаборационизму страх за себя и своих близких. Так, Янис Котман, объясняя свое соучастие в убийствах евреев, показал: «В августе 1941 г. ...вечером, ко мне зашли пьяными полицейские Савицкий и Тартар, угрожая мне расстрелом, предложили собираться на работу... За меня вступилась сестра моей жены, но ее чуть не застрелил Савицкий со словами: “Не хотите помочь бить евреев, тогда будете сами там, где и евреи”»²⁴.

Кто-то из коллаборационистов сотрудничал с советской властью, а теперь активной поддержкой немецкого порядка стремился искупить недавнее «заблуждение». Некоторые из этих людей опасались возможных репрессий по отношению к ним, вплоть до физического уничтожения их самих и членов их семей.

Не последнюю роль могли сыграть ложное понимание гражданского долга, законопослушность, прагматизм. Часть людей пришли к коллаборационизму в результате последовательной смены трех политических режимов в течение одного года. Эти события привели к безразличному восприятию происходящего, готовности плыть по течению, мимикрии и стремлению выжить любой ценой.

Клановая корпоративная солидарность студентов, учащихся, военнослужащих, членов различных профашистских организаций также вела к коллаборационизму. Способствовало этому и ощущение элитарности: приобщение к некой группе, получающей определенные льготы.

Легкомыслие и доверчивость также могли привести человека к сотрудничеству с нацистами, а затем после участия в преступлении он мог решить, что обратного пути нет, и продолжал соучастие в силу малодушия.

Большинство участников различных преступлений не были выходцами из эксплуататорских буржуазных слоев, у них не было уголовного или антисоветского прошлого — именно эти грехи приписывала им советская идеология. Среди коллаборантов низового исполнительного уровня были представители всех социальных групп.

Среди активно принимавших участие в «окончательном решении еврейского вопроса» можно выделить несколько категорий: организаторы; непосредственные исполнители убийств; охранники; участники погромов, издевательств и грабежей; пропагандисты и подстрекатели, в письменной или устной форме призывавшие к расправе над евреями; те, кто выдавал скрывающихся евреев; те, кто присваивал имущество убитых на месте расстрелов. Среди названных выделяются занимавшиеся непосредственно расстрелом, назовем их «каратели». Кроме пресловутой «команды Арайса»²⁵, в латвийской провинции в убийствах всегда участвовали местные полицейские, а порой и полицейские других уездов. На-

пример, группа «самоохраны» из Малты под командованием Х. Пунтулиса принимала участие в многочисленных расстрелах не только в своем — Резекненском уезде, но и в Лудзенском²⁶.

Среди карателей можно выделить три подгруппы:

- а) охранники места расстрела,
- б) раздевающие и сопровождающие к месту убийства,
- в) расстрельщики.

Важно отметить, что как отдельные полицейские, так и их группы периодически сменяли друг друга в своей палаческой работе.

По степени добровольности участия в убийствах также можно выделить три группы:

- 1) добровольно — таких было большинство;
- 2) добровольно-принудительно, т. е. некто добровольно вступил в полицию, однако не предполагал, что помимо охранных и иных полицейских обязанностей, включая аресты политических противников, придется заниматься убийствами. Однако таких было явное меньшинство. Как правило, вступивший в полицию был готов к участию в расстрелах;

3) случайно — человек был взят из дома для подготовки могил либо по распоряжению местной управы или полиции привлечен для перевозки обреченных к месту расстрела, а после акции — имущества расстрелянных на склады. Однако некоторые из этих людей быстро поняли выгоду от такого рода деятельности и после одного-двух раз уже сами просились на эту «работу», сделав ее источником наживы, как это было в вышеприведенном примере из Даугавпилса. В названных группах раздел награбленного имущества происходил по рангу: самое ценное забирали каратели, остальное делилось между могильщиками и возчиками²⁷.

Особо выделим криминально наиболее тяжкий вид коллаборации — участие в убийствах мирных жителей. Эта сфера представляется наиболее трудной для изучения, ибо она связана с психологией личности коллаборанта-убийцы. Поэтому вкратце коснемся психологических истоков физического насилия.

Любая идеология, признающая себя абсолютной истиной, допускает насилие в отношении тех, кто эту истину не разделяет. В XX в. это лучше всего подтвердила история СССР и гитлеровской Германии, а в наши дни — радикальные исламисты, вставшие на путь террора. В одном случае коммунистическая идеология, а в другом нацистская, обогатившаяся, помимо политической составляющей, теорией расового превосходства, привели к массовым убийствам.

Однако существуют и формы насилия, не имеющие видимых социально-политических и экономических причин. Есть так называемая «скрытая от глаз информация», которая толкает к применению массового насилия²⁸. Многие массовые убийства связаны именно с этой скрытой информацией. Такая скрытая информация может возникать стихийно как некий предрассудок или стереотип. Применительно к евреям это, например, обвинение их в употреблении крови христианских младенцев, хитрости, жадности, изворотливости, в преступлениях НКВД, в симпатиях к советской власти, в заговоре «сионских мудрецов»... Все это воспринимается народным сознанием как не требующая доказательств истина. Однако эти идеи в условиях оккупации при полной поддержке нацистского государства пропагандировались с помощью средств массовой информации и т. д.²⁹

В тех условиях насилие в отношении евреев оправдывалось, а их уничтожение преподносилось как условие выживания других народов. Эти идеи пропаган-

дировались как нацистской, так и коллаборационистской прессой, которая усиленно внушала населению, что устранение евреев приведет к улучшению его материального положения, что евреи виновны в его нищете, в бедах каждого человека и бедах его народа. Отсюда вполне логичен вывод о том, что убийство евреев — это путь к процветанию как личному, так и общественному. Например, в г. Кублич Витебской области погром и грабеж сопровождались криками крестьян: «Жидаы, нажились, хватит, придет уже на вас конец!»³⁰

Кроме того, убийство евреев явилось формой террористического запугивания местного населения. Не случайно на Украине после убийства евреев говорили: «Жидами замешивают, нами квасить будут». Эти убийства сеяли панику, ослабляли сопротивление, хотя порой одновременно и способствовали ему.

В условиях оккупации, приносящей идеологию оккупантов, отношения между людьми чаще всего переставали зависеть от юридических норм, а определялись «человеком с ружьем», который является полновластным хозяином положения, и цитата из популярного советского фильма «теперь не надо бояться человека с ружьем» в этих условиях звучала совсем наоборот: «Бойся человека с ружьем», — он несет произвол и смерть. Коллаборант-убийца видит себя исполнителем воли властей, а потому сам приобщается к этой власти. И тут особую роль играет тщеславие, основанное на желании казаться значимым, произвести впечатление на окружающих. Решая судьбу людей, он ощущает себя богом, который дарует или забирает жизнь. Это ощущение высшей власти. Конечно, человек сам делал свой выбор: идти в палачи или хотя бы быть в стороне. И в этом вновь сказывались особенности прежней жизни, индивидуально-психологические характеристики самого коллаборанта. Не последнюю роль в этом случае играли мстительность, агрессивность, жестокость, цинизм, патологически-садистские черты, особенно проявившиеся во время акций.

Кем были люди, которые творили чудовищные преступления, с точки зрения психологии?

Эрих Фромм говорит о патологизме личности, способной убивать³¹. По Фромму, агрессия связана со специфическим влечением мучить и убивать, поскольку при этом испытывается удовольствие³². Настоящий садист — человек, одержимый страстью властвовать, мучить, унижать других людей. «Садизм (и мазохизм) как сексуальные извращения представляют собой только малую долю той огромной сферы, где эти явления никак не связаны с сексом»³³.

Садизм — это стремление к абсолютной власти над другим существом, это один из способов самовозвышения. Садизм, согласно Э. Фромму, «есть превращение немоги в иллюзию всемогущества»³⁴. Именно такими и были большинство убийц. В условиях разрешенного террора для убийц и насильников характерны участие в коллективных действиях, сопровождаемых жестокостью и садизмом. Неудовлетворенная сексуальная агрессия находила выход в отношении тех женщин, которые никогда не стали бы доступными по собственной воле. Почти все убийства сопровождались циничными унижениями, издевательствами и насилиями над женщинами. Сами убийцы откровенно делились своими впечатлениями после казни. Так, И. Лисовский свидетельствует: «Пьянка представляла из себя дикую оргию с злорадным смехом над обреченными, главным образом над женщинами, сопровождалась нецензурными рассказами про виданное. Следовали различные нецензурности по адресу расстрелянных женщин...»³⁵

Важным фактором, способствовавшим участию в убийствах, была безнаказанность преступников. На вопрос следователя «Зачем вы расстреляли этих женщин и детей?» убийца отвечает: «...я, как и другие полицейские, ненавидел вообще евреев. Зная, что за убийство граждан еврейской национальности никакой ответственности нести не буду, я расстрелял задержанных двух женщин и двух детей без всякого сожаления к ним»³⁶. Такое объяснение дал некий Г. Прит в Рокитно Ровенской области (Украина). Однако это универсальный ответ, ключ к пониманию того, что происходило в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, на оккупированных территориях России. Обращаю внимание на фразы «ненавидел вообще евреев» и, главное, «за убийство граждан еврейской национальности никакой ответственности нести не буду». Именно предоставленное нацистским режимом право на убийство в первую очередь евреев и привело к тотальным расправам над ними и значительному участию в этих расправах местного населения, независимо от географии.

Те, кто убивал, в большинстве своем были далеки от всякой идеологии. Ну как определить убеждения и уровень сознания человека, расстреливавшего евреев, который на вопрос следователя «Грабил ли людей?» наивно, но убежденно отвечает: «Нет, но жидов...»³⁷

Я не верю в очищение и раскаяние человека, для которого убийство и насилие стали обычной повседневной работой, а значит, не могу согласиться с замалчиванием или, того хуже, попытками оправдания действий некоторых участников преступлений, с чем, к сожалению, приходится сталкиваться, знакомясь с прессой или высказываниями некоторых политических деятелей. Вместе с тем объективный подход, стремление к взвешенной, неполитизированной оценке всех форм коллаборационизма поможет разобраться в его причинах, что не отменяет учета моральных принципов. Пришло время для глубокого изучения чрезвычайно сложного явления, каким является коллаборационизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Боярский В. И.* Партизаны и армия: История утерянных возможностей. Минск, 2003. С. 4—5.

² *Штеенберг С.* Генерал Власов. М., 2005. С. 239

³ Арх. «Яд-Вашем», М-37/269, л. 2—5.

⁴ *Двинов Б.* Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 24.

⁵ *Абрамсон С.* Видеоинтервью, 30.01.1995 (арх. «Яд-Вашем», VD-713).

⁶ *Картов В.* Маршал Жуков. М., 1994. С. 257.

⁷ Яд Вашем, Зал Имен, лист свидетельских показаний № 2129170.

⁸ *Шнеер А.* Плен. Москва; Иерусалим, 2005. С. 136.

⁹ *Ермолович В. И., Жумарь С. В.* Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939—1953 гг.). Минск, 1994. С. 20—21.

¹⁰ В Латвийском территориальном корпусе было арестовано 424, в Литовском — 285, в Эстонском — 224 офицера (Докладная записка НКГБ СССР № 2288/М в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об итогах операции по изъятию антисоветского, уголовного и социально опасного элемента в Литве, Латвии и Эстонии, 17 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. М., 1995. Т. 1: Накануне. Кн. 2: (1 янв. — 21 июня 1941 г.). С. 248).

¹¹ «Мне было приказано быть спокойным и не паниковать»: Трагедия Западного фронта и его командующего Д. Г. Павлова. (Публ. В. Ерошина и В. Ямпольского) // Неизвестная Россия, XX век: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 81.

¹² См. прим. 17 на с. 381.

- ¹³ Шнейер А. Плен. С. 137.
- ¹⁴ Арх. Яд-Вашем, М-33/1013, л. 5. На действия «пятой колонны» в Латвии и необходимость изучения этого вопроса обратил внимание рижский исследователь д-р Г. Смирин (см.: Смирин Г., Меллер М. Потерянный мир: Боровка, Данкере, Малта в Латвии // Евреи в меняющемся мире: Материалы 4-й Междунар. конф., Рига, 20—22 нояб. 2001 г. Рига, 2002. С. 365; Смирин Г. Евреи Риги в период нацистской оккупации (1941—1944 гг.) // Евреи в меняющемся мире: Материалы 5-й Междунар. конф., Рига, 16—17 нояб. 2003 г. Рига, 2005. С. 351). В Литве и Эстонии происходит то же самое. С первых часов войны создаются отряды литовских «активистов». Так, уже 22 июня 1941 г. в Литве, в Скуодской волости, из бывших членов организации «Шаулю саюнга» образовался так называемый «партизанский» отряд, который задержал и расстрелял 360 красноармейцев, попавших в окружение (Арх. Яд-Вашем, М-33/979, л. 42, 44).
- ¹⁵ Чувев С. Проклятые солдаты: Предатели на стороне III рейха. М., 2004. С. 403.
- ¹⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 2. С. 215—216.
- ¹⁷ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944): Сб. док. и материалов. Иерусалим, 1991. С. 91—92.
- ¹⁸ Арх. «Яд-Вашем», М-33/1022, л. 132.
- ¹⁹ Там же, л. 30.
- ²⁰ Там же, л. 34.
- ²¹ Там же, л. 141.
- ²² Там же, л. 151, 154.
- ²³ Там же, л. 128.
- ²⁴ Там же, л. 20—21.
- ²⁵ «Команда Арайса» (нем. *Sonderkommando Arajs*) — добровольческое латышское вспомогательное подразделение германской полиции безопасности и СД под командованием штурмбанфюрера (майора) СС Виктора Арайса. Участвовала в массовых убийствах гражданского населения в Латвии, Литве, Польше, Белоруссии и на Украине (подробнее см.: Эзергайлис А. Команда Арайса // ВЕК (Вестн. евр. культуры). 1990. № 1/2. С. 34—42). — *Ред.*
- ²⁶ Арх. Яд-Вашем, TR-10/597, II, л. 4, 7—8, 17.
- ²⁷ Там же, М-33/1022, л. 162
- ²⁸ Сворцов. Л. В. Общество и насилие // Октябрь, 1997. № 11.
- ²⁹ Олехнович Д. Антисемитская пропаганда в оккупационной прессе на территории Латгалии // Волкович Б., Олехнович Д., Рочко И. и др. Холокост в Латгалии. [Даугавпилс, 2003]. С. 20—31.
- ³⁰ Свидетельские показания В. Гильман (Арх. Яд-Вашем, № 03/2244, л. 7).
- ³¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 157.
- ³² Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 189.
- ³³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 246—247.
- ³⁴ Там же. С. 252.
- ³⁵ Шнейер А. Могильщики, или Как это было // Евреи в Даугавпилсе. Даугавпилс, 2005. Кн. 4. С. 245, 253.
- ³⁶ Арх. Яд-Вашем, TTR-18/84, л. 16.
- ³⁷ Шнейер А. Плен. С. 548.